



ИЗЪ ЖИЗНИ И. И. ВВЕДЕНСКАГО ВЪ САРАТОВѢ

По случаю столѣтія со дня его рожденія.

Страничка изъ прошлаго Саратовской семинаріи.

Вступленіе. Нѣсколько данныхъ къ жизнеописанію Г. Е. Благосвѣтлова. Знакомство съ Н. Г. Чернышевскимъ. Увольненіе изъ семинаріи „за безуспѣшность.“

Среди учебныхъ заведеній духовнаго вѣдомства Саратовскую семинарію можно признать одной изъ счастливыхъ по числу вышедшихъ изъ нея духовныхъ, административныхъ и литературныхъ дѣятелей.

Въ ней получили воспитаніе: извѣстный своими трудами архі-епископъ Таврической Гурій (въ мѣръ Григорій Карповъ), епископъ Томскій Петръ (Федоръ Екатеринославскій), магистръ богословія А. С. Метаніевъ (впослѣдствіи кафедральный протоіерей Варшавскаго собора), И. Г. Терсинскій, бывший потомъ управляющимъ контролемъ при св. Синодѣ и А. А. Хованскій, издававшій въ Воронежѣ съ 1860 г. въ продолженіи 23 лѣтъ „Филологическія записки“, пользовавшіяся большою популярностью въ ученомъ мѣрѣ. Также были ея питомцами: основатель газеты „Донъ“ Г. М. Веселовскій, академикъ живописи Левъ Игоревъ, извѣстный публицистъ Н. Г. Чернышевскій, издатель Журнала „Дѣло“ Г. Е. Благосвѣтловъ и выдающійся педагогъ И. И. Введенскій.

Въ свое время о послѣднихъ трехъ—писалось и говорилось у насъ очень много. Очерчивали ихъ прошлую жизнь и дѣятельность

даже тѣ, которые знали ихъ по наслышкѣ, благодаря чему даже въ солидныхъ изданіяхъ попадались неточности и явныя несообразности, опровергаемыя и здравой логикой и архивными документами. Такъ, напримѣръ покойный Н. В. Щелгуновъ, выпуская въ 1882 году объемистый томъ сочиненій Григорія Евлампіевича Благосвѣтлова, снабдилъ его „предисловіемъ“, въ которомъ окрещиваетъ послѣдняго уроженцемъ г. Ставрополя (Кавказскаго) и сыномъ полкового священника¹⁾. Въ дѣйствительности же Г. Е. никогда этого города не видалъ и Кавказскаго „пороха не нюхалъ“. Какъ удостовѣряють документы Саратовскаго семинарскаго архива²⁾ онъ родился въ слободѣ Владимировкѣ. Царевскаго уѣзда, Астраханской губерніи и „былъ умершаго священника Евлампія сынъ“.

Повидимому, при жизни отца семья Благосвѣтловыхъ пользовалась большимъ достаткомъ, такъ какъ Владимировка представляла въ то время богатую слободу, гдѣ жители занимались исключительно возкой соли изъ Баскунчакскаго озера къ волжской пристани, находившейся у этого селенія. Сюда же притекали обитатели окрестныхъ деревень и рыбацкихъ ватагъ за покупками разныхъ товаровъ у тамошнихъ торговцевъ. Кромѣ того, отъ Владимировки начинался почтовый трактъ къ Ханской ставкѣ въ Рынь-Пески Букеевской Киргизской орды, откуда туземцы гнали сюда на продажу скотъ. Церковь же въ слободѣ была одна и при ней одинъ священникъ. Поэтому о. Евлампій едва ли могъ пожаловаться на плохіе доходы со стороны религіозныхъ и зажиточныхъ Владимировскихъ малороссіянъ.

Ко времени поступленія Г. Е. въ 1834 году въ 1-е Саратовское духовное училище отца уже не было въ живыхъ, почему десятилѣтнему бурсаку пришлось испытывать нѣкоторые лишения.

Недостатки эти усилились еще больше, послѣ перехода его изъ училища осенью 1840 года въ Саратовскую семинарію. По словамъ Ѳ. В. Альбокринова, обучавшагося вмѣстѣ съ Г. Е., онъ испытывалъ тамъ большую нужду. Какъ видно по архивнымъ матеріаламъ, Благосвѣтловъ не разъ обращался за пособіемъ къ семинарскому начальству. По выходѣ же изъ семинаріи онъ просилъ ректора снабдить его деньгами, чтобы пробраться на родину.

¹⁾ Тоже самое повторяють за нимъ И. Ф. Хованскій въ „Очеркахъ по исторіи г. Саратова“ 1884, стр. 182 и словарь Брокгауза, 7 полт., стр. 53.

²⁾ Дѣло № 65 за 1844 г.

Два года спустя поступилъ въ семинарію Чернышевскій. Такимъ образомъ, съ нимъ они были почти однокашниками. Одно время, когда Благосвѣтловъ обучался на второмъ курсѣ философіи, а Николай Гавриловичъ состоялъ въ классѣ риторики,—они вмѣстѣ брали уроки татарскаго языка у извѣстнаго оріенталиста и востоковѣда Гордѣя Семеновича Саблукова, впоследствии профессора Казанской духовной академіи. *)

Учился Благосвѣтловъ этому языку два года (1842—44) и имѣлъ по нему успѣхи „не худые“. Но по другимъ предметамъ ему не везло. Едва дотянуль онъ до „средняго отдѣленія 1-го класса“, когда семинарское начальство исключило 20-лѣтняго юношу, „по безуспѣшности“, выдавъ ему 20 іюля 1844 года такой аттестатъ: „по словесности *хорошо*; исторія библейская и русская, математика, Свящ. писаніе,—и языки греческій и латинскій—*недостаточно*. при способностяхъ *очень хорошихъ*. прилежаніи *непостоянномъ* и поведеніи—*хорошемъ*.“ Повидимому причиной неуспѣшности была его непомѣрная лѣнь.

Особенно не благоволилъ къ нему инспекторъ іеромонахъ Тихонъ (Солнцева) назначенный туда въ 1838 году изъ хохловъ кіевской губерніи. „Это былъ настоящій іезуитъ. строгій, мнительный, любилъ шпіонство. Какъ огня боялись его воспитанники и не смѣли передъ нимъ пикнуть. Только не страшился его Благосвѣтловъ и часто смѣло возражалъ ему, за что больше другихъ сидѣлъ въ карцерѣ. Однако, среди товарищей онъ, по словамъ Альбокринова, держалъ себя скромно и ни съ кѣмъ не ссорился.

Должно быть, эта невоздержность и была главной причиной выдачи ему такого „волчьего“ свидѣтельства, съ которымъ едва ли могъ онъ пробраться въ высшее учебное заведеніе, не имѣя при томъ же для проѣзда денежныхъ средствъ. Однако, это обстоятельство не помѣшало нѣкому С. Закхееву увѣрять (въ „Волж. Вѣстн.“ 1904 г. № 46), со словъ якобы родного брата Г. Е., служившаго въ 60-хъ гг. въ Саратовѣ фельдшеромъ, что вышелъ Г. Е. изъ семинаріи для того, собственно, чтобы поступить въ Медицинскую академію, и будто поступокъ этотъ столь сильно повліялъ на жаждавшаго знаній Н. Г. Чернышевскаго, что и тотъ послѣдовалъ его примѣру, къ прискорбію мѣстнаго духовенства, но къ „вящей“ гордости семинарскихъ руково-

*) Подробности о педагогической дѣятельности Г. С. въ Саратовской Семинаріи см. въ моей ст. о немъ: „Русск. Стар.“ 1905, XII.

дителей. Даже ректоръ о. Спиридоновъ совѣтовалъ имъ обоимъ, въ виду ихъ выдающихся дарованій, не переходить въ богословское отдѣленіе, гдѣ имъ нечего дѣлать, а идти въ университетъ¹⁾

На самомъ же дѣлѣ у Григорія Евлампіевича не было и родного брата. Съ нимъ вмѣстѣ учился въ семинаріи однофамилецъ его, по имени Серапіонъ, который кончилъ семинарскій курсъ въ 1846 г. и 13 декабря этого года дѣйствительно поступилъ въ Медико-хирургическую академію.

Вотъ какъ легко у насъ пишется исторія!—

II.

Время рожденія и кончины И. И. Введенскаго. Знаніе французскаго языка. Переводъ въ Саратовскую семинарію. Устройство послѣдней. Помѣщенія для учениковъ и начальства. Курьезное окончаніе ремонта.

Принархъ Ивановичъ Введенскій обучался въ Саратовской семинаріи за шесть лѣтъ раньше Благосвѣтлова. Послѣдній однако посвятилъ ему, послѣ его кончины *14 Юля 1855 года*.²⁾ довольно обстоятельный біографическій очеркъ, не чуждый, впрочемъ, нѣкоторыхъ требующихъ исправленія, пробѣловъ и неточностей.³⁾

По свѣдѣніямъ архивнымъ, нашъ выдающійся педагогъ появился на свѣтъ Божій *21 ноября 1813 года* въ семьѣ бѣднаго священника села Рождественскаго, Петровской округи (какъ назывались ранѣе уѣзды) въ Саратовской губерніи.⁴⁾ Еще въ дѣтскихъ лѣтахъ обнаружилъ онъ

¹⁾ Какъ видно изъ дѣла семир. архива 1845 г. № 139, Чернышевскій вышелъ также изъ средняго (философскаго) отдѣленія 2-й половины (см. о немъ нашу ст. въ „Истор. Вѣст.“ 1905, XII).

²⁾ День кончины И. И.—ча отмѣчается разнo: въ словарѣ Брокгауза (т. V, стр. 672, указывается 14 Юля 1855 г., въ очеркѣ Благосвѣтлова, „Очеркахъ по исторіи г. Саратова“ И. Ф. Хованскаго (стр. 99) и въ „Воспоминаніяхъ“ протоіерея Я. У. Палимсестова вмѣстѣ съ нимъ учившагося въ семинаріи („Сарат. Лист.“ 1883 г. № 31) 14 Юля. По моему мнѣнію, послѣднему свѣдѣнію должно дать болѣе вѣроятія, такъ какъ оно исходитъ отъ лица, близко знавшихъ покойнаго.

³⁾ Очеркъ этотъ, подъ названіемъ „И. И. Введенскій“ сначала былъ напечатанъ въ „Общезанимательномъ Вѣстникѣ“ за 1857 г., т. I, № 5, стр. 177—192 и № 6, стр. 214—221. Позднѣе онъ вошелъ въ полн. собраніе сочиненій Благосвѣтлова, изданное Щелгуновымъ.

⁴⁾ Въ словарѣ Брокгауза, у Благосвѣтлова и Хованскаго въ „Очер. г. Саратова“ указывается, что онъ родился въ г. Петровскѣ, а отецъ его былъ священникомъ с. Жукова, хотя въ дѣйствительности селенія съ такимъ названіемъ не существуетъ въ саратов. губ., а есть сел. „Жуковка“.

особенныя способности и сильную охоту къ ученью, интересуясь болѣе историческими разсказами. По словамъ Я. У. Палимсестова¹⁾, благоволившій къ его отцу, помѣщикъ с. Жуковки взялъ семилѣтняго Ирinarха къ себѣ, гдѣ онъ учился съ дѣтьми послѣдняго у гувернера-француза и настолько успѣшно, что могъ объясняться и писать на французскомъ языкѣ, какъ на своемъ родномъ.

По этому поводу И. Ф. Хованскій въ „Очеркахъ Саратова“ приводитъ слѣдующій интересный анекдотъ. Какъ-то разъ на экзаменѣ французскаго языка въ семинаріи воспитанники плохо переводили. Вызвали Введенскаго. Не успѣлъ онъ прочесть по книгѣ нѣсколькихъ строкъ, какъ губернаторъ Переверзевъ²⁾ остановилъ его и заговорилъ съ нимъ по-французски, разспрашивая его, гдѣ онъ научился столь чистому парижскому выговору. Бесѣда продолжалась болѣе получаса: присутствующіе дивились смѣлымъ отвѣтамъ незнатнаго семинариста.

Когда И. И.—чу исполнилось восемь лѣтъ, отецъ опредѣлилъ его въ Петровское духовное училище,³⁾ откуда въ Сентябрѣ 1828 г. онъ поступилъ въ Пензенскую семинарію, изъ которой два года спустя перевели его въ среднее (философское) отдѣленіе вновь открывшейся семинаріи въ Саратовѣ.⁴⁾

Въ то время послѣдняя только что устраивалась въ четырехъ, купленныхъ у помѣщика Устинова за 160 тыс. руб. ассиг., каменныхъ домахъ на берегу р. Волги, недалеко отъ стараго Троицкаго собора. Въ главномъ домѣ, лицомъ на Сергіевскую улицу, было три этажа. Нижній имѣлъ 12 оштукатуренныхъ комнатъ; средній—22. изъ коихъ 11 были отдѣланы подъ мраморъ, а остальные „выкрашены разныхъ цвѣтовъ колерами“. 24 комнаты верхняго этажа также были оштукатурены и расписаны разными красками. Съ наружной стороны домъ этотъ поддерживали 12 колоннъ и 10 полуколоннъ коринфскаго

1) Сарат. Листокъ, 1883., № 31.

2) Д. ст. с. Федоръ Лукичъ Переверзевъ правилъ Саратовской губерніей съ 1831 по 1835 г.

3) Дѣло архива Сарат. дух. семинаріи за 1834 г. № 89. Между тѣмъ въ существующихъ печатныхъ произведеніяхъ укрывается, что онъ воспитывался въ пензенск. дух. училищѣ.

4) Въ словарь Брокгауза, у Благосвѣтлова и Хованскаго разсказывается, что онъ изъ духовнаго училища поступилъ прямо въ Саратовскую семинарію. Въ дѣйствительности этого не могло быть, если послѣдняя открыта была лишь осенью 1830 года (Дѣла Сарат. Семинар. архива за 1830 г. и 1834 г. № 89).

ордена съ лѣпными украшеніями. Къ нему примыкалъ одноэтажный флигель, а рядомъ съ нимъ стоялъ двухэтажный въ 4 комнаты. Остальные дома находились во дворѣ: одинъ былъ въ два этажа съ 8 комнатами и одноэтажнымъ флигелемъ при немъ; другой—съ 4 комнатами внизу и 6-ю въ верхнемъ этажѣ; третій, называемый Котеневымъ, имѣлъ мезонинъ въ 8 комнатъ и 22 комнаты въ двухъ другихъ этажахъ, къ нему приткнулся небольшой одноэтажный флигелекъ съ 4 конурками.

Главный домъ, старинной барской постройки, богато украшенный внутри, былъ отведенъ для помѣщенія воспитанниковъ. Въ немъ повсюду красовались громадныя стѣнныя зеркала съ вызолоченною рѣзбою, столы мраморные или изъ краснаго и орѣховаго дерева; такого же дерева и ильмовые диваны—простые и турецкіе, кресла, стулья съ триковой, сафьянною и „бомбовой“ обивкой разныхъ цвѣтовъ. Подъ потолками блестяли позолоченныя лампы съ круглыми большими стеклами о трехъ и четырехъ рожкахъ. Потолки были орнаментованы бюстами древнихъ философовъ, героевъ, изображеніями боговъ и музъ. Стѣны, украшенныя картинами въ богатыхъ рамкахъ, съ изображеніями триумфальныхъ вѣздовъ и парадныхъ празднествъ, еще болѣе отдѣляли причудливую роскошь внутренняго убранства.

Прочіе дома и флигеля во дворѣ, не столь богато обставленные, были предназначены подъ квартиры семинарскаго правленія, ректора, инспектора, преподавателей и прочихъ служащихъ.

Несмотря на такое обиліе помѣщеній, зданія эти далеко не обладали удобствами, необходимыми для духовнаго учебнаго заведенія. Въ нихъ не нашлось уголка, гдѣ можно было бы устроить домовую церковь, вслѣдствіе чего воспитанниковъ въ продолженіе 30 лѣтъ водили къ богослуженію въ соборъ. Дворъ семинарскій оказался столь малымъ, что негдѣ было завести необходимаго для школы садика, благодаря чему учащіеся корпѣли въ душныхъ стѣнахъ зданія и зимой, и лѣтомъ.

Въ виду того, что многія комнаты имѣли сравнительно малые размѣры, пришлось размѣстить учащихся во всѣхъ трехъ этажахъ по классамъ: риторики вверху, философы въ срединѣ, богословы—внизу.

Для приспособленія зданій къ болѣе удобному размѣщенію, семинарское правленіе заключило 19 Іюня 1831 г. съ купцомъ Пулькинымъ контрактъ на 14974 р. сер., но тотъ, войдя въ сдѣлку съ эконо-

номомъ Снѣжницкимъ, успѣлъ забрать всё деньги прежде, чѣмъ выполнилъ взятый на себя подрядъ. И семинарія такимъ образомъ осталась на долгіе годы въ прежнихъ комнатахъ-клѣтушкахъ.

III.

Составъ воспитанниковъ и преподавателей. Первый ректоръ семинаріи о. Никодимъ. „Профессора“ Синайскій и Сокольскій. Курьезы съ ними. Г. С. Саблуковъ. Частая смѣна инспекторовъ. Второй ректоръ архимандритъ Спиридонъ.

Съ перваго же (1830—31) учебнаго года въ саратовской семинаріи былъ образованъ полный комплектъ двухгодичныхъ классовъ въ отдѣленьяхъ: низшемъ (риторическомъ), среднемъ (философскомъ) и высшемъ (богословскомъ). Составъ учащихся и учащихъ опредѣлился въ ней задолго до ея официального открытія. Въ началѣ Сентября въ риторицескій классъ ея было принято 172 воспитанника изъ духовныхъ училищъ, Саратовскаго, Камышинскаго и Петровскаго. По философскому отдѣленію зачислено 76, а по богословскому 41 ученикъ.

Составъ послѣднихъ двухъ отдѣленій былъ крайне разнообразенъ. Помимо переведенныхъ сюда воспитанниковъ пензенской семинаріи, въ нихъ попало нѣсколькихъ семинаристовъ изъ Петербурга, Уфы, Астрахани и другихъ городовъ. Были даже воспитанники такъ называемой армейской семинаріи, преимущественно дѣти полковыхъ священниковъ, на содержаніе коихъ ассигновывалась особая сумма изъ военнаго вѣдомства. о нихъ сообщались постоянныя свѣдѣнія оберъ-священнику арміи и флота и, по окончаніи курса, они поступали полковыми іереями; даже некончившіе курса обращались въ военное вѣдомство для занятія должностей церковниковъ при полковыхъ церквахъ.

Согласно Высочайше утвержденному 5-го Августа 1830 г. положенію объ этой семинаріи, первоначальный штатъ начальствующихъ лицъ и „профессоровъ“ въ ней былъ очень ограниченъ. Во главѣ были поставлены ректоръ съ инспекторомъ и четыре наставника. Въ составъ семинарскаго правленія входили секретарь, экономъ и двое писмоводителей.

Ректору было опредѣлено жалованье въ годъ 600 руб. ассигнаціями, столько же получали преподаватели,—лишь инспектору полагалось 300 р. добавочныхъ; экономъ и секретарь имѣли по 350 р. каждый, правленскіе писмоводители по 100 р. и писмоводитель при

экономъ 120 р. На содержаніе дома ассигновывалось 1500 р., больницы 400 р. и воспитанниковъ 12 т. р. въ годъ.

На должность ректора Комиссія духовныхъ училищъ назначила (11 Августа того же года) бакалавра С.-Петербургской академіи іеромонаха Никодима (Лебедева),— мужа великаго ума, необычайныхъ способностей и выдающагося знатока богословія съ посвященіемъ его въ санъ архимандрита*). Онъ обладалъ громаднѣйшими познаніями въ этой наукѣ и умѣло передавалъ ихъ слушателямъ. По отзывамъ обучавшихся у него, этотъ живой, энергичный, высокодаровитый профессоръ увлекалъ всѣхъ даромъ слова, имѣя при томъ замѣчательную память. Въ семинаріи онъ устроилъ особый классъ „объясненія свящ. писанія“, и когда разъяснялъ что-либо воспитанникамъ, то всегда дѣлалъ ссылки на тексты, указывая на память безошибочно не только главу, но даже стихъ изъ пророковъ или Евангелія. Иной разъ онъ до того увлекался объясненіями, что не слышалъ возвѣщавшаго о концѣ урока звонка, спокойно просиживая еще одинъ лишній часъ.

Къ сожалѣнію, „этотъ ученнѣйшій по своему времени мужъ“ (какъ о немъ говорили въ Саратовѣ) отличался крайней невоздержностью своего характера, былъ очень вспыльчивъ, а какъ начальникъ мало входилъ въ бытъ и нужды учащихся, жилъ замкнуто и былъ почти недоступенъ имъ.

Онъ также мало интересовался и хозяйственной частью заведенія, предоставивъ вѣдать дѣла этого рода эконому, священнику церкви Нерукотвореннаго Спаса, о. Іакову Снѣжницкому, который, имѣя съ подрядчиками сдѣлку, доставлялъ продукты и матеріалы сомнительной

*) Какъ видно изъ хранящагося въ архивѣ семинаріи послужнаго списка, онъ получилъ воспитаніе въ Костромской семинаріи, откуда поступилъ въ С.-Петербургскую академію. На третьемъ году академической жизни онъ постриженъ въ монашество и рукоположенъ въ іеродіакона. По окончаніи академическаго курса посвященъ іеромонахомъ, удостоенъ степени магистра и назначенъ инспекторомъ Костромской семинаріи и профессоромъ въ „оной“ церковной исторіи и греческаго языка. Здѣсь онъ нѣкоторое время исправлялъ должность ректора, а въ 1829 г. перемѣщенъ бакалавромъ Петербургской академіи по классу богословскихъ наукъ, гдѣ состоялъ бібліотекаремъ и исправлялъ должность инспектора академіи.—Въ „Очеркахъ по исторіи Саратова“, 1884, стр. 101 г., Хованскій увѣрялъ, будто о. Никодимъ былъ вторымъ ректоромъ Саратовск. семинаріи. Очевидно, авторъ былъ введенъ въ заблужденіе тѣмъ обстоятельствомъ, что о. Никодимъ не присутствовалъ на открытіи этого учебнаго заведенія, прибывши въ Саратовъ нѣсколько поздне; а мѣсто его на торжествѣ освященія зданія занималъ инспекторъ іеромонахъ Іоаннъ.

свѣжести и достоинства. благодаря чему воспитанники щеголяли въ дырявыхъ сюртукахъ и кормились плохо, да еще и впроголодь.

Пробывъ въ Саратовѣ до 13 Мая 1833 года, о. Никодимъ, перевелся въ Иркутскую семинарію *), откуда перешель ректоромъ семинаріи и настоятелемъ Успенскаго монастыря въ Уфу (1836—1846 гг.), гдѣ совсѣмъ замкнулся въ своей квартирѣ, еще болѣе сдѣлавшись недоступнымъ для окружающихъ: появленіе его среди учениковъ считалось необычайнымъ. Прослуживши послѣ того нѣсколько лѣтъ въ Перми, онъ закончилъ свою карьеру въ Черниговской семинаріи, не удостоившись при всей своей учености, благодаря своему характеру, епископской митры.

На мѣсто инспектора былъ присланъ (6 Сентября) инспекторъ же Рязанской семинаріи іеромонахъ Іоаннъ, родомъ малороссъ изъ Полтавской губерніи, питомецъ Московской академіи, которую окончилъ со степенью магистра. Какъ начальникъ и профессоръ философскихъ наукъ, онъ пользовался репутаціей человѣка опытнаго и знающаго, любимаго учениками. Состоя въ семинаріи инспекторомъ, онъ въ то же время несъ обязанности ректора Саратовскихъ духовнаго, уѣзднаго и приходскаго училищъ, помѣщавшихся въ одномъ зданіи на Часоуной улицѣ. Къ сожалѣнію, о его административной и педагогической дѣятельности тамъ сохранилось мало свѣдѣній, такъ какъ онъ пробылъ въ Саратовѣ лишь до 24 Октября 1831 г., когда былъ перемѣщенъ на такую же должность въ Тверскую духовную семинарію.

Послѣ него, до пріѣзда въ Январѣ 1832 г. іеромонаха Анастасія, исполнялъ обязанности инспектора преподаватель Сокольскій, а уроки философіи давалъ Синайскій, одинъ изъ самыхъ выдающихся наставниковъ этой семинаріи въ первые годы ея существованія. Кромѣ философіи, онъ преподавалъ гражданскую исторію и греческій языкъ, въ знаніи котораго не имѣлъ себѣ соперниковъ. Какъ грековѣдъ, онъ былъ извѣстенъ далеко за предѣлами Россіи. Съ особенной страстью преподавалъ Иванъ Ѳедоровичъ ученикамъ этотъ предметъ, о которомъ готовъ былъ говорить цѣлый день, чѣмъ не рѣдко пользовались малоуспѣвающіе воспитанники, чтобы отвлечь его отъ спрашиванія заданнаго урока. Стоило, бывало, кому нибудь спросить его о той или иной филологической особености языка онъ, искренно воодушевляясь, на-

*) Результатомъ его тамъ пребыванія было появленіе изданнаго имъ (въ 1840 г.) „Описанія Иркутскаго Вознесенскаго монастыря“.

чиналъ объясненія и до того увлекался, что забывалъ иногда задать урокъ къ слѣдующему дню. А когда ученики просили его прочитать что-нибудь по гречески, онъ точно перерождался тогда. Какъ повѣствуетъ В. М. Покровскій¹⁾, „при чтеніи классической литературы, И. Θ. переживалъ, можно сказать, блаженныя минуты въ своей жизни, заключаая свое чтеніе самымъ значительнымъ тономъ, съ выразительнымъ наклоненіемъ головы: „да, вотъ какъ, господа!...“

Конечно, такая любовь наставника къ своему предмету не могла не дѣйствовать магически на учащихся. Въ его классѣ не было недоучекъ. Всѣ знали греческій языкъ такъ хорошо, что могли свободно объясняться на немъ. Для подтвержденія этого можно указать на такой фактъ.

Во время прохожденія курса И. И. Введенскимъ (1830—1832 г.) семинаристы перевели, подъ руководствомъ Синайскаго, твореніе Св. Аванасія Великаго „*О воплощеніи Бога-Слова и о тѣлесномъ Ею къ намъ пришествіи*“. Объ этомъ узналъ преосвященный Іаковъ²⁾, и предложилъ, по разсмотрѣніи перевода профессорами семинаріи, отослать его въ С.-Петербургскую академію съ просьбою напечатать „Слово“ въ „Христіанскомъ чтеніи“ или отдѣльно, „понеже оное можетъ быть особенно полезно для здѣшной епархіи, гдѣ имѣются люди въ значительномъ количествѣ жидовствующей секты,“ выразивъ Синайскому и ученикамъ, трудившимся въ переводѣ, свою признательность³⁾.

Переводъ быстро разошелся, давъ 589 р. 64 коп. чистаго дохода, изъ которыхъ 300 руб. преосвященный повелѣлъ отчислить на семинарскую библіотеку, а остальные деньги правленіе выдало въ вознагражденіе И. Θ-чу, „доставившему пользу церкви и сдѣлавшему честь семинаріи“, ради „поощренія его къ дальнѣйшимъ трудамъ“.

Дѣйствительно, столь радушно принятый духовнымъ міромъ первый опытъ возбудилъ въ немъ рвеніе къ продолженію начатой ученой дѣятельности. Вскорѣ онъ составляетъ греко-русскій лексиконъ и русско-греческій словарь, книгу о греческомъ стихосложеніи, краткую греческую грамматику и наконецъ издаетъ переводъ подъ названіемъ „Сократово ученіе по Ксенофону“⁴⁾.

¹⁾ Труды Саратов. учен. архив. комиссіи 1902 г., вып. 22, стр. 40.

²⁾ Преосв. Іаковъ (въ мѣрѣ Ив. Вечерковъ) назначенъ на мѣсто Епископа Моисея въ 1832 г. Впослѣдствіи былъ епископомъ Нижегородскимъ. Въ Саратов. учен. архив. комиссіи находится интересный портретъ его бюстомъ.

³⁾ Дѣло Семинар. архива 1833 г., № 133.

⁴⁾ Дѣло Саратов. муж. гимназіи за 1842 г. „О сочиненіяхъ старшаго учителя Синайскаго.“

Вслѣдствіе этого директоръ Гине пригласилъ его преподавателемъ греческаго языка въ классическую гимназію, въ которой оставался онъ до 1848 года, когда вышелъ въ отставку. Узнавъ о его такихъ блестящихъ способностяхъ, правленіе Московскаго университета предложило ему занять каѳедру греческаго языка. Но почему то переводъ этотъ не состоялся тогда, хотя И. Θ. уже переѣхалъ на житье въ Москву, гдѣ и скончалъ свои трудовые дни*).

Не меньшимъ чудачествомъ и страстностью въ преподаваніи отличался другой наставникъ, Константинъ Максимовичъ Сокольскій, переведенный вмѣстѣ съ Синайскимъ изъ Пензенской семинаріи въ первые дни организациі семинаріи Саратовской.

Въ низшемъ отдѣленіи послѣдней онъ преподавалъ риторику, а въ прочихъ—французскій языкъ и поэзію. Хотя особенной ученостью онъ не отличался, но любилъ свой предметъ, зналъ его основательно и умѣлъ вести занятія методами чисто практическими. Съ особеннымъ восторгомъ читалъ онъ оду „Богъ“ Державина, восхищаясь гармоніей стиховъ и глубиною содержанія. Въ доказательство ея художественности, онъ увѣрялъ воспитанниковъ, что ода эта выбита золотыми буквами на доскѣ во дворцѣ Китайскаго императора.

Съ воспитанниками Сокольскій обращался гуманно и очень снисходилъ къ ихъ шалостямъ и поступкамъ. Разъ былъ такой случай. Имѣлъ онъ привычку во время урока брать съ каѳедры или парты все, что попадалось ему подъ руку, клалъ на зубъ и раскусывалъ. Ученики какъ-то нашли орѣхъ со свещомъ, набили его нюхательнымъ табакомъ и положили на видномъ мѣстѣ. К. М., придя въ классъ, по обыкновенію, взялъ его въ ротъ и невольно отплюнулся. Потомъ повернулся и, не сказавъ слова, вышелъ изъ класса. Воспитанники ждали бури, но Сокольскій, какъ ни въ чемъ не бывало, явился на другой день въ классъ и продолжалъ старую привычку.

*) Къ этому В. М. Покровскій (Тр. Сар. уч. ар. ком., 42) добавляетъ, что И. Θ. все время семинарской службы состоялъ секретаремъ семин. правленія. За высокій ростъ Ученики прозвали его „исполиномъ“. Кличка эта дана была ему случайно. Какъ то время урока „объ образѣ допотопнаго правленія“, Саблуковъ спросилъ малоуспѣвающаго ученика: „когда и гдѣ были исполины?“ Воспитаннику подсказываютъ сосѣди, „въ правленіи!“ — „Въ какомъ?“—Ученикъ слышитъ подсказъ: „въ семинарскомъ“ и, не образивъ сразу насмѣшки надъ нимъ товарищей, смѣло отвѣтилъ: „въ семинарскомъ правленіи“. Конечно, раздался гомерическій хохотъ. Воспитанникъ растерялся и на вопросъ преподавателя: „какіе же тамъ исполины“, продолжалъ пояснять: „въ правленіи— два исполина: ректоръ и секретарь Синайскій, потому что оба высокаго роста“?

Въ 1848 г., вмѣстѣ съ И. Θ. Синайскимъ, онъ вышелъ въ отставку, прослуживъ по духовно-учебному вѣдомству полныхъ 25 лѣтъ.

Третьимъ преподавателемъ или, какъ называли тогда „профессоромъ“ новой семинаріи, былъ взятый прямо со школьной скамьи 27 лѣтній кандидатъ Московской академіи Гордѣй Семеновичъ Саблуковъ, изъ уроженцевъ Уфимской губерніи. Ему было назначено преподавать въ семинаріи общую гражданскую исторію и еврейскій языкъ. По отзывамъ лицъ, близко знавшихъ его, онъ явился туда съ большимъ запасомъ знаній не только по избраннымъ наукамъ, но и по другимъ предметамъ семинарскаго курса, благодаря чему одно время (съ 12 Мая по 25 Ноября 1833 г.) онъ „исполнялъ должность профессора философіи“. Однако прибывшій въ 1832 г. на Саратовскую кафедру епископъ Іаковъ (Вечерковъ) нашелъ его незавиднымъ преподавателемъ еврейскаго языка, хотя позднѣе (въ 1844 г.) профессоръ Казанской Академіи Ивановъ-Платоновъ „обнаружилъ въ немъ обширную эрудицію“¹⁾. Г. С-чъ былъ признанъ выдающимся знатокомъ какъ этого, такъ и арабскаго и татарскаго языковъ.

Возможно допустить мысль, что въ теченіе двухлѣтней службы въ Саратовской семинаріи онъ не успѣлъ освоиться съ взятой на себя педагогической обязанностью, не вошелъ, какъ говорятъ, „въ курсъ дѣла“ или же, скорѣе, не успѣлъ произвести выгоднаго на ревизора впечатлѣнія, благодаря своей скромности и застѣнчивости, изъ за которой терялъ многое и въ преподаваніи. По словамъ В. М. Покровскаго²⁾, особеннымъ краснорѣчіемъ онъ не отличался, говорилъ съ затрудненіемъ, подбирая слова для выраженія своей мысли. Г. С-чъ имѣлъ весьма здравый взглядъ на вещи и отличался тактомъ всегда ровнаго и неизмѣннаго отношенія къ окружающимъ. За это учащіеся его любили, а сослуживцы дорожили его мнѣніемъ. Поэтому семинарское правленіе назначило его (13 Января 1834 г.) помощникомъ инспектора, въ каковой должности оставался онъ до перехода его въ 1849 г. бакалавромъ Казанской академіи по кафедрѣ греческаго языка³⁾.

Слабѣе всѣхъ въ знаніи избранныхъ предметовъ—физико-математическихъ наукъ и нѣмецкаго языка—оказался четвертый учитель Яковъ Андреевичъ Розановъ, изъ кандидатовъ же Московской академіи,

¹⁾ Д. Семинар. арх. 1844 г. № 47.

²⁾ Труды Саратов. учен. архив. комис. в. 22, стр. 43.

³⁾ Д. Семинар. арх. 1849 г. № 85.

назначенный въ Саратовскую семинарію одновременно съ Саблуковымъ. На первыхъ порахъ своей педагогической дѣятельности, онъ какъ-будто хотѣлъ научить чему-то семинаристовъ, но у него ничего не выходило, отчасти за недостаткомъ учебныхъ пособій, а больше потому, что математика прививалась къ ученикамъ плохо: самъ же преподаватель не старался энергичнѣе вложить въ нихъ сѣмена знаній. Отзываясь больнымъ, онъ сталъ рѣже посѣщать классы, а когда являлся туда, то, не объясняя ничего, молча ходилъ весь урокъ взадъ и впередъ по одной половицѣ и, какъ только раздавался звонокъ, обращался къ ученикамъ, —указывая по книгѣ „выучить отсюда до сюда“ или „къ слѣдующему классу повторить старое.“ Пробывши преподавателемъ 10 лѣтъ, Я. А. оставилъ семинарію (въ 1840 г.) и умеръ протоіереемъ въ г. Камышинѣ.

Такъ на первыхъ порахъ существованія Саратовской Семинаріи выразился составъ ея начальствующихъ и учащихся. За время пребыванія въ ней И. И. Введенскаго (1830—1834 гг.) увеличенія преподавательскаго персонала не было, кромѣ перетасовки административныхъ лицъ.

На мѣсто переведеннаго въ Иркутскъ архимандрита Никодима, по предписанію Правленія Московской духовной академіи отъ 22 Апрѣля 1833 года, былъ назначенъ слабоумный и болѣзненный іеромонахъ Анастасій, занимавшій послѣ о. Іоанна должность инспектора и преподававшаго семинаристамъ философію, но далеко не въ той мѣрѣ и съ знаніемъ дѣла какъ того требовалъ епископъ Іаковъ. Послѣдній 9 Января 1833 года писалъ Семинарскому Правленію: „Довольный количествомъ и качествомъ ученическихъ сочиненій по классамъ богословія и словесности, симъ предлагаю Правленію взять отзывъ отъ профессора философіи іером. Анастасія, почему онъ, вопреки моему предложенію, задавалъ ученикамъ въ продолженіи Сентябрьской трети 1832 г. не по три упражненія въ мѣсяцъ, а только по одному и тѣмъ, какъ видно изъ ученическихъ сочиненій, оставилъ умы ихъ спячкѣ и безъ раскрытія.“ *)

Получивъ предписаніе владыки принять отъ ректора строенія, деньги, вещи и книги, о. Анастасій почувствовалъ себя совсѣмъ нездоровымъ и совершенно неспособнымъ къ прохожденію ввѣренной ему должности. Онъ сталъ проситься на покой въ Донской монастырь.

*) Д. семин. архива за 1833 г. № 108.

Желаніе его было уважено. Комиссія духовныхъ училищъ назначила 26 Ноября на мѣсто инспектора въ Саратовскую семинарію кандидата С.-Петербургской академіи, іеромонаха Евангелла (Благовѣщенскаго), а ректоромъ (29 числа этого мѣсяца) инспектора Пековской духовной семинаріи архимандрита Спиридонова (Граціана), который пробылъ тамъ до 1849 года.¹⁾

Первый изъ нихъ оказался не лучше своего предмѣстника по своимъ физическимъ силамъ, часто болѣлъ и по нездоровью отсутствовалъ изъ семинаріи цѣлыми мѣсяцами, вслѣдствіе чего, какъ указано выше, ему данъ былъ въ помощники Г. С. Саблуковъ. Протянувъ до 3 Іюня 1835 г., о. Евангелль отошелъ съ христіанскимъ напутствіемъ въ вѣчность.

Назначенный одновременно съ нимъ ректоромъ добрѣйшій о. Спиридонъ не отличался большой ученостію и не имѣлъ высокихъ дарованій, но вѣрно понималъ характеръ духовнаго воспитанія. Схолластичность преподаванія богословской науки ему была не по душѣ. Поэтому онъ взялъ другія приемы вразумленія. Чтобы заложить болѣе фундаментально въ юныя души знанія христіанскаго вѣроученія, онъ заставлялъ учениковъ прочитывать въ подлинникахъ творенія Св. Отцовъ и учителей церкви, дабы они имѣли дѣйствительную богословскую начитанность и разумѣли бы самый поводъ, по которому высказана авторомъ та или другая мысль. Но чтобы трудъ этотъ для воспитанниковъ не былъ обременителенъ и они не понимали бы мысли св. отцовъ превратно, онъ установилъ очередь, что кому заучивать, послѣ чего призывалъ очереднаго ученика къ себѣ, гдѣ онъ сначала передъ нимъ объяснялъ приготовленный текстъ, а потомъ въ исправленномъ видѣ читалъ сочиненіе въ классѣ. А какъ творенія Св. Отецъ въ то время не были еще переложены на отечественный языкъ, то открывалась и другая польза въ такомъ преподаваніи: по мимо приученія къ самодѣятельности, семинаристы болѣе основательно знакомились съ древними языками.²⁾

Знанія этихъ языковъ поощрялъ преосвященный Іаковъ, оказывая свое благоволеніе тѣмъ воспитанникамъ, которые ими хорошо занимались. Семинаристы часто пользовались этой его слабостію, и если хотѣли вымолить себѣ какую нибудь милость, то обязательно подавали ему прошенія на латинскомъ языкѣ.

¹⁾ Д. Семин. арх. 1833 г., № 63 и 65.

²⁾ Труды Саратов. учен. арх. комиссіи, в. 22, стр. 51.

Къ сожалѣнію, послѣдній предметъ на первыхъ порахъ хромалъ въ семинаріи, такъ какъ особыхъ учителей по нему не было, а преподавали тѣ изъ наставниковъ, которые давали уроки по специальнымъ наукамъ: въ низшемъ отдѣленіи учитель риторики, въ среднемъ—преподаватель философіи, въ высшемъ—„профессоръ“ богословія.

IV.

Открытие семинаріи. Начало занятій въ ней. Режимъ. Заботы о ней епископовъ Моисея и Іакова. Крупныя мѣры противъ преподавателей. Недостатокъ учебныхъ пособій. Проповѣди. Ученическія сочиненія Введенскаго. Успѣхи его въ прочихъ наукахъ. Окончаніе курса и поступленіе въ академію.

Открытие Саратовской семинаріи по заранѣе составленному церемониалу было совершено торжественно епископомъ Моисеемъ*) въ воскресенье 26 Октября 1830 года, въ присутствіи представителей мѣстной администраціи, духовенства, любителей просвѣщенія и прибывшихъ къ этому времени инспектора о. Іоанна, Секретаря Сокольскаго, профессора Синайскаго и эконома о. Свѣжницкаго, которые на первыхъ порахъ составили семинарское правленіе.

Официально классныя занятія открылись со вторника 28 числа, однако на всѣ старанія владыки, они не могли продолжаться пунктуально, вслѣдствіе отчасти неприбытія къ этому времени нѣкоторыхъ наставниковъ, а главнѣе всего—изъ-за свирѣпствовавшей въ ту пору въ Саратовѣ холеры, благодаря которой ученье было прервано опять съ половины Іюня слѣдующаго года. Лишь съ Ноября семинарія вошла въ назначенную ей колею.

Проосвященный Моисей заботливо относился къ своему дѣтищу: при всякомъ удобномъ случаѣ лично посѣщалъ классы во время уроковъ, внимательно слѣдилъ за преподаваніемъ, вникая въ будничную жизнь семинаріи и стараясь о возможномъ ея улучшеніи. Къ сожалѣнію, судьба не дозволила ему видѣть плоды дѣлъ своихъ. Онъ не дождался даже перваго выпуска изъ семинаріи воспитанниковъ, получивъ въ половинѣ 1833 г. назначеніе экзархомъ Грузіи. Саратовскую кафедру послѣ него занялъ епископъ Іаковъ, не менѣе своего мудраго предмѣстника болѣвній душой за просвѣщеніе народное. Отличаясь

*) Преосв. Моисей былъ первымъ епископомъ образованной по высочайшему повелѣнію 3 Ноября 1828 г. Саратовско-Царицынской епархіи (3-го разряда), переведенный туда изъ епископовъ Вологды.

высокими нравственными качествами, горячей ревностью къ православію и отеческой любовью къ юношеству, прибывшій архипастырь не только неусыпно наблюдалъ за всѣми сторонами семинарской жизни, но онъ входилъ во всякую подробность, въ каждую мелочь. Какъ пишетъ о. Покровскій, „ничто не могло пройти мимо него незамѣченнымъ, безъ надлежащаго указанія и участія съ его стороны. Забота и работы его по семинаріи заслоняли почти другихъ дѣятелей, стоявшихъ въ непосредственныхъ къ ней отношеніяхъ.“

Кромѣ собственнаго желанія познакомиться ближе съ жизнью этого заведенія, успѣхами воспитанниковъ и дѣятельностію начальствующихъ и учащихъ, владыка имѣлъ еще порученіе отъ комиссіи духовныхъ училищъ обревизовать семинарію со всѣхъ сторонъ—учебной, нравственной и экономической.*) Поэтому сейчасъ же по пріѣздѣ онъ потребовалъ отъ архимандрита Никодима присылки ему конспектовъ всего пройденнаго наставниками въ теченіе двухгодичнаго курса, разрядныхъ списковъ учениковъ съ обозначеніемъ успѣховъ по разнымъ предметамъ, ученическихъ сочиненій и вѣдомостей о семинарскихъ суммахъ.

Даже при бѣгломъ обзорѣ оказалась большая недостаца въ Семинаріи книгъ и учебныхъ пособій для полнаго прохожденія курса. Не было физическаго кабинета, не доставало картъ, плановъ и наглядныхъ руководствъ, въ библіотекѣ, на содержаніе которой отпущалось лишь 114 руб. въ годъ, нашлось всего 590 книгъ, набранныхъ безъ системы, случайно „отъ добротныхъ дателей,“ добрая половина коихъ для ученія не была нужна, а другія—устарѣли.

Вслѣдствіе этихъ важныхъ недостатковъ воспитанники не были ознакомлены хотя бы въ малой степени съ основаніями дифференціального и интегрального исчисленій, съ Православной пасхаліей и, что всего болѣе странно, даже съ математической географіей. „Не преподава была археологія, кромѣ изъясненія на литургіи.“ По богословію замѣчено, что ученикамъ „не были даны письменные образцы изъясненій на какую нибудь книгу Св. Писанія, по преподаннымъ правиламъ богословія изъяснительнаго.“ Особенная неуспѣшность преобладала въ знаніи еврейскаго языка.

При разсмотрѣніи ученическихъ упражненій владыко замѣтилъ, что ученики, исключая нѣкоторыхъ въ высшемъ отдѣленіи, большихъ

*) Д. Семин. арх. 1832 г., № 58.

разсужденій не сочиняли; а краткихъ—весьма многіе не подавали совсѣмъ; изъ числа поданныхъ сочиненій нѣкоторыя не разсматривались наставниками.

Примѣняясь къ порядку, заведенному въ кievской академіи, владыка назначилъ на Сентябрь и Октябрь мѣсяцы 1832 г. частныя и публичныя испытанія какъ выпускнымъ, такъ и прочихъ двухъ классовъ воспитанникамъ, самъ намѣтивъ программу ихъ и самъ же производилъ экзамены.

Въ первый день богословы „по жребію“ отвѣчали на устные вопросы, ученики средняго отдѣленія писали разсужденіе на тему: „Quid facit ad iram comprehendam?“ а риторики составляли „хрію“ на предложеніе: „Добродѣтель сама себя служитъ наградою.“ На другой день въ богословскомъ классѣ былъ также устный экзаменъ; философы же и ритористы отдѣлывали сочиненія на темы: первые—*„чѣмъ преимущественно доказывается безсмертіе души?“* вторые хрію—*„Deus amandus est.“* Въ третій день устныя испытанія происходили въ среднемъ и низшемъ классахъ: богословы составляли разсужденіе на текстъ Евангелія отъ Матѳея гл. XVI, ст. 25: *„Иже бо аще хощетъ душу свою спасти,—погубитъ ю: и иже аще погубитъ душу свою Мене ради,—обрящетъ ю.“* На четвертый день отвѣчали устно философы, а прочіе писали „устные“ отвѣты: богословы на вопросъ: *„Quam obcausam Jesus Christus in statu exinanitionis apparuit in terra?“* а риторики—*„Больше пользы или вреда произошло отъ крестовыхъ походов.“* *).

Публичныя испытанія представляли собой нѣчто, вродѣ нынѣшнихъ актовъ, о которыхъ были извѣщены заблаговременно представители мѣстныхъ учреждений и публика. Въ назначенный праздничный день, въ одной изъ самыхъ большихъ комнатъ средняго этажа (рекреаціоннаго зала въ то время въ семинаріи еще не было) былъ поставленъ большой столъ, накрытый краснымъ сукномъ, позади него стояли кресла для владыки и почетныхъ гостей. Ученики были размѣнены шеренгами противъ, по бокамъ ближе къ столу сидѣли семинарскіе власти и наставники. Конечно, воспитанниковъ подготовляли заранѣе къ отвѣтамъ на извѣстные вопросы, которые должны были задавать преподаватели: наконецъ все было приготовлено.

Когда преосвященный показался въ дверяхъ экзаменаціонной комнаты, семинаристы грянули: *„Царю Небесный.“* По окончаніи мо-

*) Труды Сарат. уч. арх. комис., в. 22, стр. 31.

литвы, владыко благословилъ всѣхъ и занялъ приготовленное мѣсто. За нимъ усѣлись остальные приглашенные. Начались устные испытанія. Сначала вызывали богослововъ, за ними философовъ, напоследокъ риториковъ. Какъ только они кончились, воспитанники пропѣли „Днесь благодать Св. Духа мнѣ собри.“ Послѣ того, въ томъ же порядкѣ „по жребію“ вызывались ученики на эстраду читать составленные ими разсужденія на русскомъ и латинскомъ языкахъ. Въ заключеніе хоръ спѣлъ: „Достойно есть.“¹⁾

Конечно, не трудно было понять, что такія испытанія всегда оканчивались блистательно. Если же кто либо изъ гостей замѣчалъ недостатки въ отвѣтахъ учениковъ, то спокойно умалчивалъ, не желая дѣлать неурядице владыкѣ. Поэтому, видимо, несмотря на замѣченные самимъ же имъ плохіе успѣхи учащихся, изъ числа окончившихъ въ этомъ году воспитанниковъ 13-ть было выпущено по 1-му разряду, 20-ть по второму, и только трое по 3-му и трое—виѣ всякаго разряда.

О результатѣ своей ревизіи преосвященный донесъ комиссіи духовныхъ училищъ. Въ томъ же году Правленіе Московской Духовной академіи предписало семинарскому начальству принять мѣры „къ побужденію учениковъ заниматься съ должнымъ раченіемъ еврейскимъ языкомъ.“ а также „имѣть неослабное наблюденіе, чтобы ученическія сочиненія неупустительно сопровождаемы были здоровою критикою и надлежащими исправками со стороны наставниковъ, воспитанники средняго класса упражнялись бы не въ однихъ только критикахъ, но и въ пространнѣхъ сочиненіяхъ, каковы суть: разсужденія, опыты разборовъ лучшихъ мѣстъ классическихъ писателей, проповѣди и проч.“ Требовалось также и отъ богослововъ, чтобы они занимались сочиненіями не однихъ только проповѣдей, но и „опытами изъясненія мѣстъ Свящ. Писанія, разборомъ избранныхъ рѣчей отцовъ церкви и т. д.“²⁾

Замѣченные недостатки, конечно, были поставлены въ вину прежде всего ректору семинаріи о. Никодиму, какъ неумѣло руководившему ввѣреннымъ его попеченію дѣломъ. Послѣдній почелъ себя обиженнымъ и предпочелъ перевестись въ Иркутскъ.

Занявшій его мѣсто архимандритъ Спиридонъ ввелъ нѣсколько иной режимъ, относясь къ воспитанникамъ по отечески и откликаясь

¹⁾ Д. Семинар. арх. 1832 г. № 55.

²⁾ Д. Семинар. арх. 1852 г. № 58.

на ихъ нужды. Благодаря гуманности его и прочихъ профессоровъ, въ семинаріи отсутствовала чрезмѣрная строгость, какую ввелъ потомъ прибывшій въ Августѣ 1838 г. инспекторъ іеромонахъ Тихонъ (Солнцевъ). Наставники обращались съ воспитанниками, какъ съ людьми взрослыми. Имъ предоставлена была свобода, за ними никто не шпионилъ и рѣдко ихъ подвергали наказаніямъ, развѣ ужъ за очень большіе проступки.

Новый ректоръ придерживался мудраго правила: „добрый методъ ученія состоитъ въ томъ, чтобы способствовать къ раскрытію собственныхъ силъ и дѣятельности разума въ воспитанникахъ.“ Съ этою цѣлью онъ старался выработать въ учащихся чистоту языка и пониманіе мысли сдѣланнаго изъ Св.-Отческихъ твореній перевода, слѣдя за способностями, прилежаніемъ и знакомствомъ учениковъ съ классическими языками.

Какъ богословъ, особенное вниманіе удѣлялъ онъ воспитанникамъ высшаго отдѣленія, стараясь выработать у нихъ болѣе всего проповѣдническій стиль.

На эту мысль наводитъ насъ сохранившаяся въ рукописномъ отдѣлѣ Саратовской ученой архив. комиссіи тетрадка въ 8 долю листа, написанная рукою И. И. Введенскаго, съ поправками о. Спиридона. Въ ней заключаются два „Слова“ одно „Надгробное,“ составленное по случаю кончины какого то воспитанника семинаріи на текстъ: *„Человѣкъ, яко трава, дніе ею.—яко цвѣтъ сельный, тако отцвѣтаетъ, яко духъ преиде въ немъ, и не будетъ и не познаетъ къ тому мѣста своего. Милость же Господня отъ вѣки и до вѣки на боящихся ею.“*

Слово это вполне закончено и подъ нимъ имѣется подпись: „3 Апрѣля 1834 г. Иринархъ Введенскій.“ А ниже резолюція о. Спиридона: *„Приготовить къ лучшему. пливному и не скорому произнесенію въ церкви.“* Во второмъ „Словѣ“ на текстъ Евангелія Іоанна гл. XIX, ст. 6: *„Поймите Ею вы и распните; азъ бо не обрѣтаю въ Немъ вины,“*—конецъ оторванъ и нельзя съ точностью опредѣлить когда оно сочинено. Можно лишь догадываться, что оно составлено И. И-чемъ также въ Апрѣлѣ этого года, т. е. на послѣднемъ богословскомъ курсѣ.

Судя по глубинѣ мысли и живости изложенія, Введенскій уже въ ту пору имѣлъ зачатки сдѣлаться впоследствии недюжиннымъ писателемъ и проповѣдникомъ. Взятые съ богословской точки зрѣнія, взгляды

его на жизнь человѣческую и людскую злобу представляютъ и теперь большой интересъ. Видимо, много передумалъ онъ прежде, чѣмъ излить свои мысли на бумагѣ:

„Человѣкъ—превосходное твореніе десницы Всевышняго,—такъ писалъ онъ въ первомъ „Словѣ“,—въ планѣ неиспытанныхъ судебъ творческихъ поставленное во владыку земли,—краса и вѣнецъ видимой природы; но за всѣмъ тѣмъ человѣкъ,—*„яко трава“* увядаемая на полѣ злачномъ, *„оніе еи“*, которые, по премудрому намѣренію Создателя, никогда не долженствовали бы кончиться,—*яко цвѣтъ сельный*,—*такъ отцвѣтетъ* въ самое короткое время. Послѣ сего, что будетъ значить для человѣка жизнь и самое названіе, повидимому, высокое—человѣкъ? Едва только начинается онъ наслаждаться жизнью, какъ смерть уже возноситъ острую косу свою на посѣченіе его, и падаетъ онъ наряду съ прочими животными, яко трава подъ рукою селянина... Въ семь случаѣ не отличается небесная роза отъ дикихъ цвѣтовъ, но не равно ли бурный вихрь истребляетъ всякій цвѣтъ и адскую траву? Не равно ли и человѣкъ упадаетъ отъ ядовитаго дуновенія смерти?

„Обратите взоры на лежащаго среди сего плачевнаго собранія юношу, уязвленнаго ядовитымъ жаломъ смерти! Посмотрите на повивальныя пелены мертваго! Вотъ что досталось ему отъ міра, надъ которымъ онъ поставленъ быть владыкою! Гдѣ здѣсь тѣ знаки, по коимъ бы можно было отличить, что онъ—человѣкъ!

„Боже великій! для того ли Ты даруешь намъ бытіе, чтобы почти въ ту же минуту отнять оное? Вѣра! Гдѣ твои чудеса? Исусе сладчайшій! Или Тебѣ возможно было воскресить одного токмо Лазаря, покоющагося сномъ непробуднымъ?

„Исусе Сладчайшій! Отъ Тебя мы всего надѣемся! Вѣра утѣшаетъ насъ: не для здѣшней жизни мы сотворены!

„Такъ для христіанина жизнь сія не драгоценна, и смерть для него не отвратительна, потому что онъ *очами вѣры не видитъ въ ней никакихъ ужасовъ и почитаетъ ее переходомъ къ вѣчному блаженству.*

„Что значитъ міръ для воспитанника Евангелія? Мѣсто испытанія, откуда онъ безпрестанно хочетъ перейти въ отечество свое—седенія небесныя.

„Миръ ненавистенъ ему, потому что въ немъ нельзя найти тѣхъ благъ, для пріобрѣтенія которыхъ производитъ насъ природа. Будучи подверженъ переменамъ, ежеминутно вращается вокругъ себя человѣкъ и ни на чемъ не остановится. Утомленная превратностью мірскою мысль не находитъ ничего, на чемъ бы могла хоть нѣсколько успокоиться.

„Миръ ненавистенъ христіанину, ибо ему постоянно приходится опасаться, какъ бы хитрость мірская не отравила его сердце ядомъ непозволительныхъ удовольствій; какъ бы не содѣлаться жертвою его злобныхъ обольщеній! А въ мірскихъ удовольствіяхъ, кромѣ зла, нѣтъ ничего для истинно вѣрующаго...

„Миръ ненавистенъ человѣку еще потому, что онъ безжалостно язвитъ сердце острыми стрѣлами жесточайшихъ мученій: бѣдность, глать, мучительныя болѣзни.

„И только при свѣтѣ Евангелія онъ видитъ, что ему нужны высшія блага міра. Его сердце, его душу влечетъ къ тому источнику, изъ коего они воспріяли свое начало. Богъ—вотъ предметъ его желаній! Его духъ—это, если такъ можно выразиться, изліяніе Божества,—съ жаромъ стремится паки соединиться съ своимъ Творцемъ,—какъ нѣжное дитя, не видя предъ собою любезной матери, жаждетъ облобызать ее...

„Не боится смерти истинный гражданинъ Благодатнаго Царствія Христова, не боится и тогда, если воспоминанія о прежде содѣянныхъ порокахъ наносятъ ему нѣкоторое безпокойство. Одно сознаніе, что оныя проступки омыты слезами сердечнаго раскаянія, уже вливаетъ въ его душу спокойствіе; а священное таинство причащенія, которое онъ пріемлетъ съ глубочайшимъ благоговѣніемъ, вѣра и Евангеліе, начертанныя на стѣнахъ его сердца, живописуютъ очамъ души его безпредѣльную благодать милосерднаго Бога.

„Когда усопшій нашъ братъ, находясь въ здоровомъ разсудкѣ, но уже при вратахъ смерти, былъ, по его желанію, напутствованъ Св. Тайнами,—онъ произнесъ съ умиленіемъ: „Я умираю спокойно, ибо надѣюсь на благодать и премудрость Творца Небеснаго!“

„Такъ, при боговдохновеніяхъ вѣры, христіанинъ съ брэннаго одра смерти, чрезъ миллионы міровъ, сквозь твердь небесную, зреть

уже Бога, держащаго въ десницѣ своей нетлѣнные вѣнцы славы, ими же вѣнчаетъ любящихъ Его. О, если бы, въ сію минуту разверзлись надъ нашими главами небеса, ежели бы мы узрѣли праведниковъ, веселящихся во главѣ радованія одесную Бога Отца: если бы каждый изъ насъ узрѣлъ токмо отца или мать свою, брата или сестру въ числѣ праведниковъ, наслаждающихся благами, то кто бы изъ насъ не воскликнулъ: *„Коль возлюблены селенія Твои, Господи силъ! когда прииду и явлюсь лицу Твоему!“*

„О, Иисусе Сладчайшій! Мы хотимъ быти выну съ Тобою; но еще узы плоти удерживаютъ насъ на земли. Припадая къ престолу Твоего величія, молимъ Тя недостойніи: упокой душу преставившагося брата нашего, „идѣ же нѣсть болѣзни, ни печали, ни воздыханія, но жизнь безконечная“! Аминь“.

Во второй рѣчи обращаютъ на себя вниманіе интересныя разсужденія автора о суетѣ мірской, какъ причинѣ всѣхъ золь и бѣдствій въ жизни человѣческой.

„Съ того времени,—говоритъ онъ,—какъ зло очаровало вселенную, какъ человѣкъ погрязъ въ бурномъ морѣ страстей своихъ, міръ сдѣлался землею проклятія; зло всюду разлило тлетворный ядъ свой. Человѣкъ учинился смѣшнымъ игралищемъ гнусныхъ вождѣленій своихъ. Истина съ воплемъ улетѣла въ превыспренныя своя. Кругъ дѣяній человѣческихъ получилъ инаковый видъ. Общественная связь—подъ развалинами разврата и вражды.

„Посмотримъ—кто въ міръ вѣнчается? гордый! Кто превозносится?—высокоумный. Кто умилоствляется?—Пронырливый и льстивый. Кто такъ страдаетъ подъ тяжкимъ бременемъ хитрообразной клеветы? Честный.—Кто здѣсь стенаетъ? Обиженный. Кто такъ осмѣливается? Простодушный и смиренный. Кто здѣсь повергается долу отъ ударовъ жестокаго руки? Слабый. Кто тамъ въ жару неистовыхъ страстей своихъ сосетъ кровь изъ подобныхъ себѣ? Свирѣпый. Кого здѣсь гонять? Блюстителя закона и правды! Кого тамъ ненавидятъ? Добродѣтельнаго. Кто здѣсь проливаетъ горькія слезы и со вздохами вопіетъ на небо: „Отче, вскую мя оставилъ еси“? Невинный. Но Иисусъ Христосъ есть самая чистѣйшая невинность, есть самый источникъ добродѣтели; такъ удивительно ли, что онъ страдалъ въ то время, когда носилъ на себѣ знакъ раба? Удивительно ль, что жестокіе тираны, измучивъ его,

пригвоздили ко кресту? О, міръ! О, жилище адово! Въ тебѣ и подлая зависть беретъ верхъ надъ всѣмъ священнымъ...

„Едино лишеніе милостей кесаревыхъ заставило лить неповинную кровь Агнца Божія: „*еще сего отпустиши, — нѣсть другъ кесарю*“. Вотъ какъ дѣйствуетъ въ сердцахъ человѣческихъ подлая боязнь и гнусное малодушіе! Вотъ какъ исчезаютъ права священнѣйшія! Въ міръ лучше поставляютъ погибнуть невинному, нежели лишиться милости порочнаго благодѣтеля! Человѣкъ изъ малѣйшей корысти всегда готовъ отнимать жизнь у подобныхъ себѣ“...

Какъ можно судить по описанію Г. Е. Благосвѣтлова, взглядамъ, высказаннымъ, можетъ быть, подъ какимъ либо наитіемъ, въ пору юности, остался вѣренъ Иринархъ Ивановичъ и во всю остальную трудовую жизнь свою.

Судя по вышеприведенной датѣ, оба сочиненія эти были написаны 20-ти-лѣтнимъ Введенскимъ въ послѣдній годъ его пребыванія въ Саратовской семинаріи, за три мѣсяца до выпуска. Къ сожалѣнію, по документамъ семинарскаго архива, невозможно было розыскать, какъ жилъ онъ, учился, велъ себя и каковы были успѣхи его въ другихъ классахъ за время четырехлѣтняго тамъ прозябанія. Соображаясь съ оказываемымъ ему благоволеніемъ ректора и какъ видно, изъ выданнаго ему 17 Іюля 1834 г. выпускнаго аттестата, учился онъ не плохо. Однако, несмотря на его „быстрыя способности“, при „ревностномъ прилежаніи“, окончилъ онъ богословскій курсъ „по второму разряду“, хотя первымъ.¹⁾

По богословію, физикѣ и математикѣ была выставлена ему отмѣтка „хорошо“ изъ философіи, исторіи гражданской и церковной— „*весьма хорошо*“, русской словесности и французскаго языка— „отлично“,²⁾ а по греческому языку—даже „отлично хорошо“. Только нѣсколько подгулялъ еврейскій языкъ, за который его наградили отмѣткою лишь „*похвально*“. Повидимому, не попалъ онъ въ число „перворазрядниковъ“, благодаря своему поведенію, отмѣченному „*довольно хорошо*“ что въ то время считалось мало удовлетворительнымъ³⁾.

¹⁾ Это былъ второй выпускъ изъ Сарат. семинаріи: закончило образованіе 38 чел., изъ коихъ 11 по первому разряду, 23—по второму и четверо по третьему.

²⁾ Какъ рассказываютъ, будучи въ семинаріи, И. И. изучалъ и простонародную французскую рѣчь, заводя знакомство съ рабочими и служащими мѣстнаго французскаго завода; съ этой же цѣлью „якшался“ онъ и съ нѣмцами.

³⁾ Д. Семинарск. архива 1834 г., № 89.

Причина этому, какъ говорятъ, была его слабость къ спиртнымъ напиткамъ, за что онъ нерѣдко сиживалъ въ карцерѣ, а однажды, послѣ изрядной попойки, заплатился нѣсколькими мѣсяцами бѣлой горячки.

По этой причинѣ, увѣряетъ И. Ф. Хованскій, „семинарское начальство¹⁾ не рѣшилось послать его въ духовную академію“, и онъ будто бы отправился туда „волонтеромъ“. Какъ бы то ни было,—но Введенскій одинъ изъ выпуска этого года „послѣ произведеннаго испытанія“, былъ принятъ въ число студентовъ Московской академіи 4 Сентября 1834 года, о чемъ академическое начальство тогда же извѣстило семинарское правленіе.²⁾

П. Юдинъ.



¹⁾ Скорѣе всего, надо думать, препятствовалъ этому ядовитый инспекторъ о. Тихонъ, никому не желавшій добра и особенно неблаговолившій къ Введенскому.

²⁾ Д. Семин. арх., 1834 г., № 131.